

Ань И — когда он услышал это обращение, то на несколько секунд замер. Прошло немало времени с тех пор, как кто-то в последний раз называл его так.

Только в те времена, когда он жил в горах, деревенские девушки звали его именно так. Но с тех пор, как он перебрался в город, это имя затихло.

Внезапный окрик мгновенно воскресил в памяти те горы, где он прожил двадцать три года. Несмотря на тяжелую жизнь, в его воспоминаниях они навсегда остались вечнозелеными, полными жизни, пропитанными дыханием самой природы. Все его представления о том месте были связаны с весной, потому что именно весну в горах он любил больше всего.

Услышав обращение, он поднял голову.

Перед ним стояла модель в бежевом осеннем костюме от люксового бренда. Почти всё ее лицо, не больше ладони, скрывали темные очки. Густые черные кудри, тонкая длинная шея, хрупкая, но высокая фигура и безупречная осанка — она казалась невероятно статной, ростом около метра семидесяти шести.

Гу Линлин и Линь Цзю, стоявшие рядом, тоже остолбенели и в шоке уставились на Ань И.

Что происходит?

Гу Линлин прекрасно знала эту женщину. Она часто видела ее в модных журналах. Это была Чжоу Я — всемирно известная супермодель, которая еще несколько дней назад блистала на международных подиумах.

Очевидно, бренд пригласил ее для участия в показе, но почему она назвала Ань И братом?

Гу Линлин: ???

Где этот парень успел познакомиться с такой особой?

Ань И смотрел на женщину с полным недоумением. Встретив пыливый взгляд Гу Линлин, он хотел объясниться, ведь он действительно не помнил, чтобы был знаком с кем-то подобным.

Но не успел он открыть рот, как Чжоу Я взволнованно спросила:

— Ты Ань И-гэ! Это ведь ты, правда?!

Ее голос дрожал, интонации взлетали вверх. Тонкие пальцы непроизвольно жестикулировали в воздухе, а ноги в высоких каблуках сделали несколько шагов вперед, словно она хотела в чем-то убедиться.

Черты лица молодого человека перед ней были точь-в-точь как в ее воспоминаниях, только кожа стала светлее. Он стоял перед ней, статный и прямой — те же глаза, тот же нос, тот же овал лица. Это был ее Ань И-гэ. Она не могла ошибиться.

Помощник и агент, увидев, как Чжоу Я теряет самообладание, перепугались. Судя по тону Чжоу Я, она знала этого человека, но сам юноша выглядел совершенно растерянным, будто они были чужими.

— Я-я, что с тобой? Ты не ошиблась? Нам пора идти, скоро начнется грим.

Чжоу Я не обратила внимания на слова окружения. Она сняла очки и, сделав еще несколько шагов, почувствовала, как глаза наполнились слезами.

— Ань И-гэ, это я, это я!

Аромат ее духов окутал его. Глядя на изысканно накрашенное лицо, Ань И вдруг почувствовал одновременно и знакомые, и чужие черты. Вскоре образ из прошлого наложился на нынешний облик.

Зрачки Ань И сузились:

— Чунь... Чуньхуа?

Чжоу Я:

— Ань И-гэ!

Поняв, что ее узнали, Чжоу Я в порыве чувств бросилась к нему. Ань И не был готов к такому напору и повалился прямо на газон. Окружающие ахнули.

— Я-я!

— Мамочки! Ань И!

Линь Цзю хотел было броситься на помощь, чтобы оттащить ее — какая еще ненависть могла быть между ними, раз она решила его раздавить?! Неужели этот парень в прошлом был негодяем?

Однако, не успели они подойти, как стало ясно: они действительно знакомы.

Глаза Чжоу Я наполнились слезами:

— Ань И-гэ, ты пришел искать меня, да? Ты наконец-то пришел!

Ань И тоже был поражен. Он никак не ожидал, что эта блестящая модель — та самая деревенская девчонка Чуньхуа, с которой он вырос в одной деревне.

С тех пор как его насильно увезли из гор в город, он не чувствовал себя здесь своим. Увидев знакомое лицо, он невольно ощутил тепло.

— Чуньхуа, и правда ты, — Ань И широко улыбнулся. — Стала такой взрослой, такой красивой!

Совсем не похожа на ту Чуньхуа из деревни, с вечно красными от мороза или стыда щеками.

Чжоу Я, обхватив шею Ань И, не отпускала его, плача от счастья и переходя на деревенский говор:

— Это я, Ань И-гэ, это я, Чуньхуа! Ты посмотри на меня хорошенько, сильно изменилась, а?

Окружающие: ...

Откуда вдруг взялся этот деревенский колорит?

Чжоу Я посмотрела на лицо Ань И и, заметив его раздвоенную бровь, замерла:

— Ань И-гэ, а с бровью-то что?

Ань И замялся:

— Сейчас модно так, вот и решил последовать тренду, сбрил немного.

Но Чжоу Я видела: на месте разрыва был шрам.

Они выросли в одной деревне в горах. Раньше ее не звали Чжоу Я — это имя она взяла позже. Раньше она была Чуньхуа — Весенним Цветком.

В их деревне было много детей одного возраста. Понятия о планировании семьи не существовало, в каждой семье было по трое-четверо детей, у нее самой было двое младших братьев.

Только Ань И был единственным ребенком в семье. Поэтому каждый раз, когда он выходил в поле, он был один. В белоснежной, дочиста отстиранной майке, которая сияла на солнце, с мотыгой на плече, с лепешкой на обед и потрепанным учебником в руках.

В полдень, отдыхая под деревом, он читал книгу. Его профиль был ясным и благородным, он никогда не вел себя грубо, как другие деревенские парни. А когда улыбался — это было что-то невероятное. Говорили, что от его улыбки на сердце становится сладко, как от меда.

Девушки, проходя мимо поля, украдкой поглядывали на него. Если он замечал их, то улыбался и спрашивал:

— На улице так жарко, чего домой не идете?

Девушки смущенно отвечали:

— Сейчас пойдем.

Он был таким — не понимал намеков, вел себя открыто и просто, никогда не думал о любви или о том, что девушки приходят в полуденный зной не домой, а к нему.

Все деревенские девушки любили Ань И. Не только за красоту, но и за уважение к людям, за культуру, которой не было у других.

В горах слово культура вызывало лишь насмешки. Мол, к чему эти книжные мудрости, от них никакой пользы, это просто способ покрасоваться. Но Ань И не молчал — он вступал в споры, доказывая, что образование — это благо, и если у кого-то его нет, это не повод лишать его других.

А еще Ань И никогда не отпускал пошлых шуточек в адрес девушек, в отличие от других парней. Он считал это низким и неуважительным. Однажды он едва не подрался с парнем из семьи Чжоу, который довел до слез девушку из семьи Ли своими грязными намеками.

Парни в деревне не любили Ань И, считая, что он притворяется, таская с собой книги, чтобы привлечь внимание девушек. Но, черт возьми, девушки все равно крутились вокруг него.

Чуньхуа не была исключением. Она всегда считала Ань И лучшим парнем в деревне.

В тот день Чуньхуа, сплетя венок, возвращалась домой. Люди в деревне смотрели на нее с каким-то странным любопытством. Она подумала, не испачкалась ли, но тут к ней подошел парень из семьи Чжоу:

— Слышал, у вас свадьба намечается, не знала?

Свадьба? В их доме?

Чуньхуа ненавидела этого парня. Она спросила:

— Какая еще свадьба?

Тот расхохотался:

— Ты еще не знаешь?

Чуньхуа была в полном недоумении. Она прибежала домой и увидела отца, который встретил ее подобострастной улыбкой.

— Чуньхуа...

У нее внутри все похолодело. В семье ее не ценили, а после смерти матери отец стал относиться к ней как к вещи.

— Пап, — она глубоко вздохнула, — люди говорят, у нас свадьба. Какая свадьба?

Мужчина потер руки, глядя на нее не как на дочь, а как на денежное дерево:

— Да, свадьба. Отличная партия, отличная!

— Кто?! — голос Чуньхуа дрогнул.

Мужчина улыбнулся:

— Кто же еще? Ты, конечно, Чуньхуа. Жених хороший, правда, постарше, но ты не в обиде останешься.

— Я не выйду! — закричала она. — Не выйду!

— Что за глупости? Выкуп уже взят, свадьба послезавтра!

Он продал ее за две тысячи юаней мужчине из соседней деревни по фамилии Чэнь. Тому было за сорок, жена умерла всего пару месяцев назад, но деньги для отца были важнее всего.

Чуньхуа пыталась спорить, но получила пощечину.

— Не будь неблагодарной! Я кормил тебя столько лет! Он богат, будешь жить в достатке, еще спасибо мне скажешь!

Она смотрела на две тысячи юаней на столе, и слезы катились по ее лицу. Это был не брак, это была гибель. Чэнь был известен своим крутым нравом и тем, что бил жену.

Когда вернулись братья, отец приказал им запереть ее. Они, сначала пожалев сестру, тут же замолчали, когда услышали про две тысячи — ведь им тоже нужно было жениться, а денег в доме не было.

Чуньхуа вырвалась и побежала прочь, рыдая.

Ань И, возвращавшийся с поля, услышал крики. Узнав, что отец продал дочь, он сжал мотыгу и хотел вмешаться, но его отец, Ань Биншэн, оттащил его за ухо.

— Не лезь не в свое дело! — прикрикнул он.

— Но она еще ребенок! Ей восемнадцать! Ему сорок! — Ань И был в ярости.

Вспоминая мечты Чуньхуа о большом мире, о городах, об университете, он не мог остаться в стороне. Ань Биншэн запер его в комнате:

— Ты не спаситель мира! У тебя есть эти две тысячи? Нет? Тогда сиди тихо!

На следующее утро Чуньхуа надели в красное, привязали к столбу, чтобы не сбежала. Ань И, дождавшись ночи, выбрался через окно и прокрался к ее дому.

Ее брат спал у порога. Ань И бесшумно пробрался внутрь. Чуньхуа сидела в красном платке и плакала. Он сорвал платок — в лунном свете, пробивающемся через окно, его лицо было решительным и спокойным.

— Чуньхуа, это я, Ань И.

Он развязал узлы. Она, дрожа, смотрела на него:

— Ань И-гэ...

— Идем, я заберу тебя.

Они осторожно вышли, но собака соседей подняла лай.

— Сбежала! Чуньхуа сбежала!

Отец и братья бросились в погоню. Ань И подхватил Чуньхуа на спину и побежал. Она была в ужасе, спотыкалась, разбивала колени, но не останавливалась.

— Не бойся, — шептал Ань И. — Ты должна поступить в университет, ты должна увидеть мир. Мы почти у цели!

Позади слышались крики и свет фонарей.

— Не оглядывайся! — скомандовал Ань И.

Они выбежали на склон холма и скатились вниз, к тайной тропе, о которой знали только они.

Ань И опустил Чуньхуа на землю и крепко сжал её плечи:

— Чуньхуа, сейчас же беги по этой дороге к общежитию преподавателей, ищи Учителя Чу. Она обязательно тебе поможет.

Учитель Чу была добрым педагогом, искренне желавшим своим ученикам светлого будущего. Зная, в каком положении оказалась Чуньхуа, она не могла остаться в стороне.

Ань И быстро вытащил из кармана пятьсот юаней — деньги, которые он откладывал на учебу в университете — и сунул их девушке в руки:

— Бери деньги и беги. Беги как можно дальше. Через несколько дней придет уведомление о зачислении, иди на станцию, садись на автобус и уезжай. И никогда, слышишь, никогда не возвращайся.

Чуньхуа сжала купюры:

— А как же ты, брат Ань И?

— Со мной всё будет хорошо, — ответил Ань И. — Не переживай. Ты учись там прилежно, я обязательно найду тебя.

Он развернул её и подтолкнул в спину:

— Беги! Чуньхуа, беги быстрее! Не оглядывайся! Я здесь, я прикрою!

Чуньхуа чувствовала, как слезы высыхают на ветру. Она бежала вперед, не смея обернуться, не смея даже взглянуть назад. Луна сияла над головой, освещая ей путь своим холодным светом.

Проводив Чуньхуа взглядом, Ань И поднялся на холм и побежал в противоположную сторону, чтобы отвлечь внимание преследователей. Его поймали почти сразу.

Мужчина подскочил к нему, и, не обнаружив рядом девушки, схватил Ань И за шиворот:

— Где Чуньхуа?! Я спрашиваю, где она?!

Ань И посмотрел ему прямо в глаза:

— Не знаю!

— Врешь! Я сам видел, как ты увел её!

Вскоре Ань И окружили братья Чуньхуа и зеваки из числа местных жителей.

— Куда она побежала! Говори! Отвечай!

— Какое тебе дело до того, что мы выдаем сестру замуж? Она сбежала, а завтра приедут люди из семьи Чэнь, что нам теперь делать?!

Ань И стиснул зубы:

— Так верните им выкуп! Думаете, слава о продаже собственной дочери пойдет вам на пользу? Вы не знаете, сколько людей в деревне только и ждут, чтобы посмеяться над вами? Все вокруг обсуждают это за обедом. Вы думаете, они пришли помогать вам искать её? Нет, они просто пришли поглазеть на шоу!

Он перевел взгляд на братьев Чуньхуа:

— Она годами экономила на всём, во всём себе отказывала, заботилась о вас, а вы так с ней поступили? Вот так вы ей отплатили?!

Братья покраснели от стыда — слова Ань И были чистой правдой. Но вместо раскаяния в них вскипела ярость оттого, что их ткнули носом в их же низость.

— Заткнись! Ты, щенок, закрой рот!

Только выдав Чуньхуа замуж, семья могла получить деньги, только так они могли позволить себе жениться. Откуда еще взять средства? С того клочка земли?

Мужчина ударил Ань И в лицо. Тот попытался дать отпор, но братья повалили его на землю. Односельчане не вмешивались, лишь наблюдали со стороны.

Трое мужчин из семьи Чуньхуа избивали Ань И. Он отчаянно сопротивлялся, размахивая кулаками, но в какой-то момент один из братьев, ослепленный злобой, схватил с земли камень и с силой ударил его.

На рассвете следующего дня Ань Биншэн долго бродил по окрестностям, пока не нашел Ань И на небольшом земляном холме в двух километрах от деревни.

Ань И лежал на земле, прижавшись щекой к пыльной почве. Одна сторона его лица была покрыта засохшими кровавыми корками. Он был избит до синяков, лежал неподвижно, не в силах пошевелиться от боли.

Мужчина подошел к нему и посмотрел сверху вниз. В руке он держал бутылку водки, как обычно, но она была еще запечатана.

— Я же говорил тебе не лезть не в свое дело, — сказал Ань Биншэн. — Ты сам напросился. Так тебе и надо.

Он открутил крышку и вылил всю водку прямо на лицо Ань И.

Ань И зажмурился: от спирта, попавшего в раны, лицо пронзила нестерпимая жгучая боль.

Отбросив пустую бутылку, Ань Биншэн наклонился, взвалил сына на спину и побрел домой.

Сделав несколько шагов, Ань И снова взглянул на тот самый холм и улыбнулся.

Чуньхуа ушла.

Ань Биншэн, неся сына на спине, понял, что тот добился своего, и с усмешкой выругался:

— Чему ты улыбишься? Тебя так отделали, а ты еще и смеешься.

Ань И смотрел на холм:

— Пап, я счастлив.

— Я правда счастлив.

<http://bllate.org/book/21437/2190962>